

У денежных кранов Банка Эстонии

Як Валге

Руководители внешнеэкономической политики Советской России Г.В. Чичерин и Л.Б. Красин уже летом 1921 г. предлагали прекратить продажу золота и прочих ценностей через Эстонию и не отдавать предпочтение Эстонии при транзитных перевозках.¹ По каким-то причинам советская бюрократическая машина отреагировала на это лишь более года спустя, в конце 1922 – начале 1923 г. Но уже тогда это было сделано эффективно и вызвало шок в тех экономических кругах Эстонии, которые рассчитывали на российский рынок. В середине 1922 г. большевики сократили продажу золота и ценностей через Эстонию, а в конце 1923 г. ее прекратили. Министр финансов Георг Вестель уже в мае 1922 г. утверждал, что Россия исчерпала свои золотые ресурсы.² Следовательно, Вестель должен был понимать, что льющийся

на Эстонию золотой дождь заканчивается.

Сопутствующий оптации приток ценностей уменьшился уже в конце 1921 г. в связи с введенными Россией ограничениями на вывоз ценных вещей. Сама оптация завершилась, в основном, в 1922 г. В следующем году были ликвидированы оптационные комиссии в Москве, Петрограде и Омске.³ В том же году Государственной кассе Эстонской Республики пришлось закончить скупку золота и драгоценностей в Москве и Петрограде.

С начала 1923 г. Советская Россия стала уделять больше внимания приграничной торговле. Эстония отвечала на ноты протеста уклончиво, но количество пограничных пунктов сокращала. Оборот приграничной торговли в 1923 г. сократился почти наполовину.⁴

Сократился и официальный эстонский экспорт в Россию, особенно в относительных числах. В 1923 г. доля Советской России в экспорте Эстонии по сравнению с прошлым годом сократилась в четыре раза. Ввоз из России в 1,6 раза превышал вывоз. Российский транзит через Эстонию сократился в 1922 г. по сравнению с предшествующим годом в 3,5 раза, до 100 тысяч тонн.⁵ В пересчете на каждого жителя Эстонии это составляло 100 кг. Эстонские предприниматели, надеявшиеся на бизнес в России, в том числе Объединение эстонских торговцев, которым руководил член совета Банка Эстонии Аугуст Янсон, потеряли крупные суммы.⁶

В ходе переговоров между представителями металлообрабатывающих заводов Эстонии и большевиками, проводившихся после

¹ Г. Чичерин Л. Красину 06.08.1921. – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) ф. 5, оп. 1, д. 2066, л. 1.

² *Leslie hertsog Balfourile 29.05.1922.* – Public Record Office (PRO), FO 371/8178.

³ *Valitsusasutiste tegevus 1918–1934*, lk. 290.

⁴ С лета 1923 по февраль 1924 г. ноты протеста не предъявлялись; затем до лета 1924 г. Россия вновь проявляла большую дипломатическую активность. Однако, после 29 июля вплоть до мятежа 24 декабря 1924 г. протесты прекратились. Последняя из нот открыла глаза эстонским властям на серьезность пограничного вопроса. Оставшиеся торговые (пограничные?) пункты закрылись в феврале 1925 г. Подр.: J. Valge. *Mitteametlik kaubavahetus Eesti-Vene piiril aastatel 1921–1924* – Akadeemia. 1992, nr. 6, lk. 1210–1215; 1220.

⁵ Статистические данные для расчета см: *Eesti arvudes 1920–1935*, lk. 130; H. Kukk. *Eesti väliskaubandus 1919–1921 a.* – *Eesti Statistika Kuukiri* 1922, nr 5, lk. 36; J. Valge. *The Tartu Peace Treaty and the Economic Development of the Republic of Estonia. – Emancipation and Interdependence. The Baltic States as New Entities in the International Economy, 1918–1940.* Acta Univestitatis Stockholmiensis. *Studia Baltica Stockholmiensia*. 13. 1994, lk. 181; K. Koort. *Vene transiit läbi Eesti kahe maailmasõja vahel: ootused ja tegelikkus.* – Akadeemia 1998, nr. 12, lk. 2520.

⁶ *Viimane pankrott – kuul pähe.* – *Päevaleht* 15.10.1925, nr. 279.

заключения Тартуского мирного договора, в Эстонии планировался ремонт до 2000 советских паровозов. Выполнение такого крупного заказа могло обеспечить эстонские металлообрабатывающие заводы работой на годы. К сожалению, договор был заключен лишь в конце 1921 г. и на ремонт всего 200 паровозов. Осенью 1922 г. в отношениях сторон договора (советское правительство и четыре объединившихся эстонских завода) возникла напряженность. В апреле 1924 г. работы были полностью прекращены. Отремонтировано было лишь 70 паровозов. Сорвавшаяся сделка нанесла сильный удар по всей металлообрабатывающей промышленности Эстонии.⁷ Следовало бы уделить внимание времени, когда отношения вновь напряглись – осени 1922 г. Член коллегии РКИ Якубов считал договор о ремонте паровозов основным экономическим рычагом, который должен связать Эстонию с Россией. Существует много спекуляций по поводу того, кто, когда и почему принял в России другое решение в отношении Эстонии, но из-за отсутствия источников ясности в этом вопросе по-прежнему мало.

Во всяком случае, условия торговли с Россией резко ухудшились. Все же прохождение золотого запаса России, а частично и драгоценных камней, через Эстонию на Запад и относительно льготные условия в России в 1920–22 гг. оставили свой след. В ходе этой акции озолотились ключевые фигуры эстонской политики и экономики, участвовавшие в этом процессе, кроме того, была вызвана «лихорадка» восточного бизнеса, серьезно повлиявшая на представления о современном состоянии и будущем Эстонии в эстонских экономических кругах. По утверждению К. Коорта, отношение к посредничеству в российском транзите стало более реалистичным лишь к концу 1924 г., т.е. позже, чем изменение положения Эстонии было понято в Западной Европе.⁸

Таким образом, общая экономическая по-

литика Эстонии мало менялась до декабря 1923 г. В первой половине года это тоже было не вполне возможно, поскольку исполнительная власть не желала демонстрировать особой активности перед приближающимися выборами в Рийгикогу. К тому же, внешне все было в порядке. Сокращение экономических связей с СССР считали явлением временным. Циркуляция денежных знаков не росла, даже немного уменьшилась, инфляция сдерживалась, курс марки сохранялся.

Но весна и лето выдались на редкость холодными и дождливыми, урожай зерновых был плохим. По более поздним подсчетам, в сельском хозяйстве было недополучено урожая примерно на 1 млрд. марок (8,8 млн. золотых рублей).⁹ Вывоз леса был также затруднен из-за погодных условий, к тому же стоимость древесины на мировом рынке резко упала. Дефицит торгового баланса угрожал стать чрезвычайно большим. Это сократило валютные запасы Банка Эстонии и государственной казны и должно было вызвать беспокойство в узком кругу информированных лиц. Общественность не была поставлена в известность о трудностях финансового положения. Представление о деятельности Банка Эстонии, точнее, о том, что о ней ничего не известно, общественность получила лишь в конце 1923 г, когда в Рийгикогу разразился «золотой» скандал.

В «Eesti Majandus» («Экономика Эстонии») настроения 1923 г. характеризовались так: «Еще поздним летом нам казалось, что море по колено, и звучала ода солидности и предприимчивости эстонской экономики. Даже тогда, когда идущие впереди увидели разверзшуюся пропасть и стали отступать, в задних рядах возникло небольшое замешательство и зазвучали подбадривающие выкрики и прямые угрозы, чтобы заставить первых идти дальше. Лишь немного позже все общество поняло, куда мы пришли».¹⁰ Кто были те, кто шел впереди и кто подбадривал?

⁷ См. J. Valge. Eesti üleminek uuele majanduspoliitikale ja Otto Strandmani osa selles. – Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused, nr. 40, 1991, lk. 91–94.

⁸ K. Koort. Vene transiit läbi Eesti kahe maailmasõja vahel: ootused ja tegelikkus. – Akadeemia 1998, nr. 12, lk. 2541; Akadeemia 1999, nr. 1, lk. 138.

⁹ F. Akel Riigikogus. II Riigikogu protokollid 19.08.1924, 6. ij., vg. 6.

¹⁰ Toimetuse kommentaar. – Eesti Majandus 1924, nr. 1, lk. 3.

Законодательная власть в начале 1920-х гг. играла в экономической политике, за исключением аграрных вопросов, несущественную и поверхностную роль. Важные вопросы затрагивались в парламенте редко и невежественно. Парламентская финансовая комиссия, по сути, роли не играла. Например, К. Пятс, будучи членом финансовой комиссии Учредительного собрания, ни разу не посетил ее заседания, считая, что это не то место, где принимаются важные решения. В 1921 г. комиссия несколько активизировалась, но с февраля 1922 до лета 1924 г. вопросы эмиссии, паритета валют и денежной политики на ней не обсуждались. Таким образом, эта комиссия не соответствовала своему названию. Ключевые фигуры, формирующие экономическую политику Эстонии, не появились среди лидеров журналистики, поэтому общественность не имела информации о важнейших процессах. Журналистика была довольно вялой. Балансы Банка Эстонии анализировались поверхностно, давая понять, что углубляться нет смысла, так как балансы сфальсифицированы.

Отсюда следует, что главные фигуры экономической политики следует искать прежде всего в руководстве исполнительной власти. Правительство К. Пятса, в котором министром финансов был Георг Вестель и министром торговли и промышленности Карл Ипсберг, находилось у власти с января 1921 до октября 1922 г., когда подали в отставку двое из трех министров входившей в коалицию Рабочей партии. В следующем правительстве члена Рабочей партии Юхана Кукка в прежних должностях остались семеро министров предыдущего правительства (в т. ч. Г. Вестель). Поскольку вторые выборы в Рийгикогу состоялись уже в мае 1923 г., правительство Ю. Кукка находилось у власти недолго и активности не проявляло. Информированность самого Ю. Кукка при опытном министре финансов Г. Вестеле могла быть минимальной. По крайней мере,

так он утверждал впоследствии. Новое правительство, которое снова возглавил К. Пятс, и в котором министром финансов остался Г. Вестель, вступило в должность 2 августа 1923 г. Кроме того, что К. Пятс возглавлял правительство, он был в 1920–1921 гг. председателем Эстонского биржевого комитета, в 1923 г. – вместе с Мадисом Яаксоном, Конрадом Мауритцем и Рудольфом Реннингом – инициатором создания Эстонско-русской торговой палаты, а позже ее председателем. Вышеупомянутый Р. Реннинг был в начале 1920-х гг. помощником министра торговли и промышленности, в обязанности которого входила и выдача разрешений на приграничную торговлю. Во второй половине десятилетия Реннинг был посредником между Пятсом и советским посольством.¹² Возможно, даже раньше.

Георг Вестель, отношения которого с Пятсом характеризует то обстоятельство, что именно его Пятс в свое отсутствие назначал государственным старейшиной, окончил торговое отделение Рижского политехникума, до Первой мировой войны работал в Таллинском обществе взаимного кредитования, а после войны, в 1920–1921 гг., был директором Банка Эстонии. Г. Вестель, бывший по своим экономическим взглядам индустриалистом и принципиальным инфляционистом, считал, что дешевые деньги могут создавать фабрики и предприятия.¹³ В предпринимательстве Вестель был, вероятно, сателлитом Пятса. Во всяком случае, данных о его деятельности в каком-либо предприятии без Пятса не имеется. Это позволяет предполагать, что Вестель был орудием Пятса и в политике. Он был министром финансов исключительно долго, его непрерывный министерский стаж – один из самых значительных – до государственного переворота 1934 г.¹⁴

Экономическую политику правительства в какой-то степени определял и Государственный экономический совет. Этот институт, соз-

¹¹ *Asutava Kogu rahaasjandus komisjoni esimees A. Oinas Eesti Maarahva Liidu Asutava Kogu rühmale 04.06.1920.* ERA, ф. 15, оп. 2, д. 1023, л. 160.

¹² *Eesti majandustegelased.* Tallinn, 1938, lk. 166; M. Ilmjärv. Konstantin Päts ja Nõukogude Liidu Tallinna saatkond: aastad 1925–1934. – *Acta Historica Tallinnensia* 1999, nr. 3, lk. 160–161.

¹³ E. Laaman. *Erakonnad Eestis.* Tartu, 1933, lk. 67; J. Kukk. *Otto Strandman majanduspoliitikutuna.* – *Vaba Maa* 30.11.1935, nr. 267.

¹⁴ *Tallinna Krediidipanga aktsionäride peakoosolek.* – *Päevaleht* 20.01.1920, nr. 15. *Riigi Teataja* 23.09.1919, nr. 67, lk. 529–530.

данный в сентябре 1919 г. для консультирования правительства в вопросах экономической политики, имел большие полномочия. Экономический совет мог давать рекомендации правительству или непосредственно кому-либо из министров. Если министр не был согласен с предложением, вопрос обсуждало правительство, которое, в случае отклонения предложения, должно было направить его вместе с обоснованиями на повторное рассмотрение в Государственный экономический совет. Если же исправленное предложение экономического совета также не одобрялось правительством, оно не вступало в силу. Членами Государственного экономического совета были имеющие право голоса представители министерств и госконтроля, десять членов парламента и еще двенадцать представителей различных организаций, имеющие совещательный голос.¹⁵ Но Государственный экономический совет не мог сам воплощать в жизнь никаких решений. Он играл роль советника, хотя и влиятельного и воспринимаемого благосклонно. Он предлагал идеи и формировал мнения, но не отвечал за их адекватность. Одним из лидеров в экономическом совете был Мадис Яаксон.

М. Яаксон окончил Пярнускую городскую школу и торговые курсы в Петербурге. В 1905–1912 гг. он работал в Петербурге помощником биржевого нотариуса, в 1912–1918 гг. был в Петербурге директором и заведующим Северного общества взаимного кредитования. В 1911–1916 гг. состоял членом-учредителем и председателем Петербургского общества кредитов и сбережений, а также членом Петербургской фондовой биржи. В 1919 г. он стал председателем комиссии по приему государственного имущества Эстонской Республики. В 1920–1922 гг. Яаксон являлся членом Таллинского

биржевого комитета, в 1922–1925 гг. – его председателем, в 1920–1925 гг. вице-председателем Совета банков, а в 1923–1925 гг. – членом Государственного экономического совета. Кроме того, он был членом организационного комитета Торгово-промышленной палаты.¹⁶ Создание последней было, как известно, одной из навязчивых идей К. Пятса.

Еще одним центром формирования экономической политики был, разумеется, Банк Эстонии, как и положено Центробанку. Но Банк Эстонии до 1924 г. был государством в государстве, так как туда не проникал ни взгляд общественности, ни госконтроль. Детальные годовые отчеты банка госконтролю не предъявлялись. Президент Банка Эстонии был в банке диктатором, который, в числе прочего, мог списывать и долги.¹⁷ Отношения с государством не были точно зафиксированы в уставе банка. Совет Банка Эстонии, в котором должны были быть представлены интересы государства как акционера, был, в действительности, в качестве представителя государства – бессилён. В совете были представлены руководители частных банков и предприниматели, интересы которых скорее противостояли интересам государства. Членов совета назначало правительство по рекомендации министра финансов. А правление избирал совет. Таким образом, деятельность Банка Эстонии напрямую контролировалась министром финансов Вестелем, и интересы государства должны были бы быть всячески представлены. Но это в случае, если бы Вестель никому не подчинялся и сам бескорыстно и адекватно представлял эти интересы. Однако, есть основания в этом сомневаться.

Первый детальный обзор состояния и деятельности банка госконтроль дал правительству лишь 6 июня 1924 г.¹⁸ Но этот

¹⁶ Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 61–62.

¹⁷ Riigikontrolör A. Oinas valitsusele 12.06.1925. – ERA, ф. 66, оп. 1, д. 1406, л. 2.

¹⁸ При более ранних ревизиях, согласно ст. 44 Устава банка, госконтроль должен был ограничиваться «просмотром» банковского отчета, который состоял в формальном сравнении данных, приведенных руководством в отчете, с банковскими книгами, что, конечно, не позволяло глубоко ревизовать деятельность банка. Представляемые банком госконтролю отчеты содержали мало статистических данных, поэтому госконтролю всегда приходилось констатировать, что отчеты соответствуют банковским книгам. Более основательная ревизия, о которой идет речь, проходила 10–13 декабря 1923 г. и дополнительно с 31 января до 23 февраля 1924 г., но окончательный отчет госконтроль представил в начале июня следующего года. Eesti Vabariigi riigikontrolör A. Oinas valitsusele 6.06.1924. – ERA, ф. 66, оп. 1, д. 1317, л. 14.

обзор касался только 1923 г.; о более ранней деятельности Банка Эстонии можно получить сведения только из официальной статистики банка. Но, зная об искажении данных в 1923 г., можно сомневаться и в точности официальной статистики за 1920–1923 гг. В архиве отсутствуют основные документы Банка Эстонии, которые позволили бы реконструировать механизмы принятия решений в 1920–1927 гг. В таблице 1 приведен рост займов Банка Эстонии в 1923 г.

Таблица 1. Займы Банка Эстонии в 1923 г. в миллионах марок

Месяц	Миллионы марок	Динамика (январь=100)
Январь	3 183,1	100,0
Февраль	3 402,9	106,9
Март	3 605,4	113,3
Апрель	3 839,9	120,6
Май	4 006,5	125,9
Июнь	4 184,6	131,5
Июль	4 282,7	134,5
Август	4 397,5	138,2
Сентябрь	4 585,8	144,1
Октябрь	4 645,0	145,9
Ноябрь	4 619,0	145,1
Декабрь	4 784,1	150,3

Источник: Eesti Pank 1919–1929. Tallinn, 1929, lk. 86.

Статистику деятельности Банка Эстонии по кредитованию можно считать достоверной, начиная с 1923 г.

За год займы выросли более чем в полтора раза. Выдача кредитов замедлилась лишь в ноябре.

Из этих займов, по официальным данным Банка Эстонии, к концу 1923 г. промышленности выделено 46%, торговле и банковскому делу 36% и сельскому хозяйству 5,3%.¹⁹ Это

при том, что в это время в стране проходила одна из самых радикальных в Европе аграрных реформ.

В 1921–1923 гг. займы выдавались прежде всего крупной промышленности, торговле и банкам. Эти три сферы получили около ¾ всех кредитов. До осени 1923 г. основное направление кредитования не изменялось.

Но, к сожалению, и внутреннее финансирование в промышленности направлялось наиболее слабым и связанным с российским рынком отраслям. Так, из промышленных займов в центральном банке 31 декабря 1923 г. суммы, направленные металлообрабатывающей промышленности, составили 16,4% всех промышленных займов, бумажной промышленности – 5,0%, на производство цемента – 2,9%, химической промышленности – 2,2% и на производство пищевых продуктов и пряностей (в т.ч. и табачной промышленности) – 2,5%. Более перспективные отрасли, быстрее развивавшиеся в более поздние годы независимости, были не в фаворе. То же происходило и в торговле и в банковском деле: крупнейшие займы получали ориентированные на российский рынок авантюристические предприятия.

Таким образом, основные направления кредитования были выбраны совершенно неверно на обоих уровнях, как в межотраслевой экономике, так и внутри отраслей. Понятно, что только одни просчеты в экономической политике не могли вызвать таких крупных ошибок.

Это заставляет обратить внимание на предприятия, получившие наибольшие займы в Банке Эстонии. В таблице 2 приведено состояние кредитования получивших крупнейшие кредиты предприятий на 1 января 1923 и 1 января 1924 гг.

Таблица 2. Крупнейшие должники Банка Эстонии в 1923–1924 гг. (в миллионах марок) ▶

¹⁹ Основания для расчета: Eesti Pank 1919–1929. Tallinn, 1929, lk. 86.

Предприятие	01.01.23	01.01.24
Балтийская хлопковая фабрика	189	351
Объединение «Синдская суконная фабрика»	230	307
Харьуский банк	103	182
Центральное объединение потребителей Эстонии	136	163
АО «Сильва»	109	130
АО «Атланта»	62	93
Русско-Балтийское АО судостроения и механики	42	73
Управление Кренгольмских хлопковых фабрик	35	86
Таллинская горуправа	53	78
Эстонский торгово-промышленный банк	97	70
АО Петровский завод	35	63
Северный банк	36	59
АО «Унион»	56	
Таллинский кредитный банк	34	55
Завод «Двигатель»	48	50
Эстонское объединение семенного зерна	45	49
Государственное сланцевое производство	13	49
Таллинское судоходное объединение	47	48
Азериская цементная фабрика	23	45
Эстонский заемный банк	34	47
АО Северных бумажных и целлюлозных фабрик	44	45
АО эстонской механической деревообрабатывающей промышленности А. М. Лютер	5	44
АО «Космос»	75	43
Таллинское эстонское издательское объединение	26	43
АО «Ильмарине»	28	37

Источник: Eesti Panga tegevuse läbivaatamise komisjoni materjalid. 06.06.1924 – 31.12.1924. Deebitoride nimekiri. – ERA, ф. 80, оп. 2, д. 2742, л. 1–35.

В общей сложности займы, выданные названным предприятиям, по состоянию на 1 января 1923 г. составили 1544 миллиона марок, а через год – 2229 млн. марок, т.е. около половины всех займов Банка Эстонии. Заслуживает внимания тот факт, что из этих 25 крупных заемщиков лишь у трех сумма кредита в 1923 г. уменьшилась. Процент по займам Банка Эстонии в 1920–1923 гг. составлял 7,5–8%. Это значит, что кредитруемые предприятия, особенно банки, по сути, получали подарок. Банки, получившие кредит в Банке Эстонии, могли кредитовать займовый ресурс дальше. Процент по кредиту в частных банках составлял 15–20%, а в начале 1923 г. – даже 25–30%.²⁰

Финансирование бесперспективных предприятий в 1923 г. было, по-видимому, связано с надеждой Банка Эстонии спасти старые кредиты.²¹ Но основная причина заключалась все же не в этом.

В результате политических потрясений многие крупные промышленные предприятия, прежде принадлежавшие царскому государству и русским промышленникам, лишились руководства и владельцев. Несмотря на частичный вывоз оборудования и разрушения, они имели огромную ценность и представляли соблазн для эстонских бизнесменов и политиков. Принадлежавшие при царе эстонцам предприятия также начали реорганизовывать, и на передний план вышли новые деятели, входящие в политическую элиту современной Эстонии. Поэтому стоит присмотреться к руководителям и владельцам предприятий, получавших крупнейшие займы, – насколько это возможно на основании имеющихся данных.

Балтийская хлопковая фабрика («Ситцевая фабрика») была основана в 1898 г. для

²⁰ Eesti kapitaalitur. – Eesti Majandus 1923, nr. 4, lk. 49.

²¹ Eesti Panga laemude ja tegevuse aruanne. Dateerimata. – ERA, ф. 1790, оп. 1, д. 128, л. 8.

российского рынка. В первые годы независимости у предприятия были сложности с поиском рынка сбыта. Правление, в которое входили пять директоров, до 1921 г. находилось в Петрограде.

17 февраля 1921 г. был зарегистрирован устав Акционерного общества (АО) Балтийской хлопкопрядильной фабрики (A/s Puuvillavabrik), по которому правление должно было находиться в Таллинне. Генеральным директором завода с 1919 г. был Исаак Цитрон. Основными владельцами были Исаак Цитрон и коммерческий директор мануфактуры Константин Карл Вахманн, одним из ведущих пайщиков – член правления Банка Эстонии, директор АО «Сильва» Эдуард Куузик. Цитрон, Вахманн и Куузик были бизнес-партнерами и в Эстонском торгово-промышленном банке. В 1919 г. Балтийская хлопковая фабрика и Синдическая суконная фабрика заключили соглашение о сотрудничестве. Позднее Балтийская хлопковая фабрика, Синдическая суконная фабрика и Управление Кренгольмских хлопковых фабрик образовали синдикат. Константин Карл Вахманн был также членом правления и вместе с Цитроном – одним из владельцев Синдической суконной фабрики.²² В новых рыночных условиях предприятие сумело переориентироваться, уже к 1925 г. добившись довоенного уровня производства.²³

Синдическая суконная фабрика была основана в 1833 г. В царское время товар продавался, в основном, в России. Как и у Балтийской мануфактуры, у нее в первые годы независимости возникли проблемы с продажей продукции. Круг владельцев во многом перекрывался с Балтийской мануфактурой

(Вахманн и Цитрон). Интересно отметить, что в 1919 г. пост генерального директора Синдической суконной фабрики предлагали Константину Пятсу.²⁴

Харьюский банк был основан в августе 1919 г. Пятсом, Вестелем, Мадисом Яаксоном, Константином Коником и бывшим министром внутренних дел Аугустом Пеэтом.²⁵ В 1920 г. последний стал членом совместной эстонско-российской комиссии, а со следующего года – советником посольства Эстонии в Москве. Среди владельцев Харьюского банка был и Йохан Лайдонер. Членами первого правления Харьюского банка являлись Аугуст Пеэт и один из организаторов и секретарь Общества фабрикантов Эстонии Конрад Мауритц.²⁶ До осени 1921 г. председателем правления был К. Пятс. В 1920 г. Харьюский банк начал продажу большевистского золота на Запад.²⁷ С осени 1921 г. членом правления Харьюского банка стал крупный спекулянт, контрабандист спирта Густав Линквист. Вторым членом правления был М. Яаксон. С того же времени председателем совета сеал Йохан Лайдонер. Осенью 1921 г. образовалась группа акционеров Харьюского банка (т.н. консорциум) в которую вошли Г. Линквист, К. Пятс, В. Пинковский, В. Пихлак, А. Виркхаус, В. Лендер, Ю. Румберг, ПТ «Виру», Й. Лайдонер, К. Мауритц, А. Гнадеберг, член правления Банка Эстонии, бывший министр пищевой промышленности и председатель Биржевого комитета Аугуст Янсон, М. Яаксон и Э. Кох. В правление консорциума входили М. Яаксон, Гнадеберг и Линквист.²⁸ Харьюский банк обанкротился в 1925 г. Аугуст Янсон совершил самоубийство в Берлине осенью 1925 г., по-

²² R. Nerma. Kopli. Miljöö, olustik, kultuurilugu. Tallinn, 1995, lk. 164–165; A. Anderkopp Riigikogus. II Riigikogu protokollid 21.08.1924, 6. ij., vg. 50–51; Eesti entsiklopeedia, II kd., Tartu, 1933, lk. 43; Eesti avalikud tegelesed. Tartu, 1932, lk. 30, 366; «Centum»-klubi revisjonikomisjoni koosoleku protokollid. Vanematekogu koosoleku protokollid. 8.05.1925 – 20.12.1932. – ERA, ф. 999, оп. 1., д. 1, листы без нумерации.

²³ M. Pihlamägi. Eesti industrialiseerimine 1870–1940. Tallinn, 1999, lk. 163.

²⁴ O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 34; Sindi vabrikutegevust tahetakse laiendada. – Vaba Maa 24.10.1919, nr. 223.

²⁵ Riigi Teataja 23.08.1919, nr. 449.

²⁶ Riigi Teataja 30.08.1919, nr. 59.

²⁷ G. Solomon A. Lezavale 30.08.1920. – ERA, ф. 1790, оп. 1, д. 1523, л. 24.

²⁸ O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 34; Riigi Majandusnõukogu koosoleku protokoll 26.11.1923. – ERA, ф. 990, оп. 1, д. 44, л. 16.

сле краха своих последних предприятий.²⁹

Центральное потребительское общество Эстонии (*Eesti Tarvitajateühisuste Keskühisus* = ЕТК) было создано в 1917 г. в качестве центра оптовых закупок всемирного объединения потребительских кооперативов. Руководил ЕТК в 1917–1935 гг. Йохан Нихтинг. В 1917–1923 гг. членом правления ЕТК был член совета Банка Эстонии в 1921–27 гг. и директор Коммерческого банка Антон Теэтсов.³⁰

Торгово-промышленное акционерное общество по переработке и вывозу древесины «Сильва» основал в 1919 г. Эдуард Кузик. Он вошел в состав директоров наряду с Аугустом Янсоном и членом Рийгикогу первого созыва от партии аграриев и бывшим юрисконсультантом Банка Эстонии Юри Париком.³¹ В 1923–1924 гг. в связи с перекредитованием у а/о «Сильва» возникли проблемы, и в 1930 г. оно было объявлено банкротом.

Акционерное общество «Атланта», занимавшееся внешней и внутренней торговлей, прежде всего торговлей с Россией, было создано в январе 1921 г. Карлом Сааретоком, Яном Киршем и бывшим министром продовольствия и сельского хозяйства, депутатом Учредительного собрания, членом Земельного союза Яном Раамотом.³² До 1923 г. членом правления предприятия был один из тогдашних лидеров аграрной партии, многократный министр Карл Ипсберг.³³ Членом правления и одним из владельцев был Аугуст Янсон.³⁴

Созданный в конце царского времени для российского рынка и особенно для военных

нужд гигант металлообрабатывающей промышленности Русско-Балтийский завод в первые годы независимости перешел к группе торговцев, в которую, кроме международных авантюристов, входили руководящие деятели аграрной партии Яан Теэмант и Й. Лайдонер, а также М. Яаксон и брат К. Пятса Вольдемар Пятс. Лайдонер, Яаксон и В. Пятс входили и в правление предприятия. Положение предприятия неоднократно обсуждалось в Рийгикогу. Весной 1923 г. аграрная партия протолкнула в парламенте решение о выдаче заводу займа в 90 млн. марок.³⁵ Завод обанкротился в 1925 г.

Кренгольмская мануфактура, созданная в 1857 г., до первой мировой войны через центральный московский рынок снабжала текстилем всю Россию. В первые годы независимости у мануфактуры возникли сложности, и позже объем продукции не раз уступал довоенному. Директорами по-прежнему оставались А. Кнооп и М. Кнооп.³⁶ В начале 1920-х гг. круг владельцев частично перекрывался с владельцами Балтийской мануфактуры, но не исключено и участие группы Шеэли и Лайдонера. Во всяком случае, в 1940 г. Лайдонер входил в число владельцев.³⁷ Во второй половине 1920-х гг. предприятию удалось найти новые рынки сбыта, экспортируя 70–80% своей продукции в Скандинавию, Германию, Польшу, Литву, Латвию и Финляндию.³⁸

Эстонский торгово-промышленный банк был основан в 1919 г. Основателями являлись владельцы Балтийской мануфактуры, «Двигателя» и Петровского завода.³⁹ Одним из пайщиков, вероятно, был и член совета Бан-

²⁹ Atlanta lõpp. – Vaba Maa 13.01.1924, nr. 10; Viimane pankrott – kuul pähe. – Päevaleht 15.10.1925, nr. 279.

³⁰ Eesti majandustegelased, lk. 144; Eesti avalikud tegelased. Tartu, 1932, lk. 337.

³¹ Riigi Teataja 12.07.1919, nr. 36, lk. 281; Viimane pankrott – kuul pähe. – Päevaleht 15.10.1925, nr. 279; Eesti majandustegelased, lk. 153.

³² Riigi Teataja 10.01.1921, nr. 2.

³³ K. Ipsberg Riigikogus 19.12.1923. II Riigikogu protokollid, 2. ij., vg. 2263.

³⁴ Atlanta lõpp. – Vaba Maa 13.01.1924, nr. 10; Viimane pankrott – kuul pähe. – Päevaleht 15.10.1925, nr. 279.

³⁵ O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 50–53; R. Nerman. Kopli. Miljöö, olustik, kultuurilugu. Tallinn, 1995, lk. 27.

³⁶ Riigi Teataja Lisa 20.04.1921, nr. 28, lk. 271.

³⁷ 1940. aastal natsionaliseeritud ettevõtete aktsionäride nimekiri. – ERA, ф. 72, оп. 1, д. 234, л. 80.

³⁸ M. Pihlamägi. Eesti industrialiseerimine 1870–1940. Tallinn, 1999, lk. 165.

³⁹ Riigi Teataja 24.05.1919, nr. 32, lk. 249.

ка Эстонии Эдуард Куузик.⁴⁰ Банк завладел Таллинским отделением Рижского коммерческого банка и на некоторое время стал крупнейшим акционерным банком Эстонии. Из-за авантюрных займов многим промышленным предприятиям (в т.ч. кожевенной фабрике «Унион») у банка возникли сложности, и в 1929 г. его поглотил Коммерческий банк.

АО Петровский завод (бывший завод Ноблесснера) был создан в Таллинне в 1913 г. на шведском и немецком капитале для строительства подводных лодок. Строительство завода не было завершено, часть оборудования перед немецкой оккупацией вывезли в Россию. Завод обанкротился в 1925 г., и его приобрел Банк Эстонии как крупнейший кредитор. Завод не запускали, его имущество было распродано. Круг владельцев остается неясным, он часто менялся.

Северный банк основали в 1919 г. Оскар Сейслер, Карл Лауссен, Адо Тыллассепп, Эдуард Похл и тогдашний министр суда, член народной партии, позже (с 1926 г.) президент Банка Эстонии Юри Яаксон.⁴¹ В 1926 г. Северный банк объединился с Таллинским кредитным банком. В 1925 г. директором Северного банка стал Эдуард Ауле, экс-президент Банка Эстонии.⁴²

Кожевенное предприятие АО «Унион», основанное в 1921 г., в основном ориентировалось на восточный рынок и продержалось до конца независимости, хотя явно было самым опасным «потопителем» банков: оно вызвало крах вышеназванного Торгово-промышленного банка, а в годы кризиса – Дисконтного банка и Коммерческого банка. Основателями были Йоханнес Таар, Артур Йоост, Роман Юргенс, Рудольф Штенгель, Фердинанд Вирро и Роман Биркенеберг.⁴³

Они были явно подставными лицами, так что деятельность предприятия стоило бы расследовать подробнее. Одним из директоров «Униона» был Исаак Цитрон. Одним из руководящих деятелей, по крайней мере в начале, являлся член Учредительного собрания и член народной партии Йоханнес Рейнталь.⁴⁴

1 января 1920 г. Таллинское общество взаимного кредитования превратилось в акционерный банк – Таллинский кредитный банк.⁴⁵ В число руководящих лиц входили Аугуст Пеэт, члены Аграрной партии К. Пятс, Ю. Теэмант, Г. Вестель и М. Пунг, члены рабочей партии Фридрих Акель и Отто Страндман а также член совета Банка Эстонии Артур Уйбопуу.⁴⁶ «Мотором» реорганизации кредитного банка и всего предприятия в целом был, по всей видимости, Г. Вестель.⁴⁸ В 1924 г. после ухода с поста министра финансов он вновь вошел в состав директоров Таллинского кредитного банка. Член совета Банка Эстонии Артур Уйбопуу стал вторым директором, а Йоханн Сильвер являлся членом и многолетним председателем совета кредитного банка.⁴⁹ В декабре 1926 г., завладев крупнейшим Северным банком, Таллинский кредитный банк вошел в число крупнейших коммерческих банков Эстонии. В годы коммерческого кризиса банк стал неплатежеспособным, но по распоряжению правительства, ответственность по всем обязательствам Кредитного банка взял на себя Банк долговременных кредитов.

Завод «Двигатель» был основан в 1897 г. для снабжения российского рынка различными металло- и машиностроительными изделиями, в особенности оборудованием для железной дороги. В начале 1920-х гг. у

⁴⁰ A. *Anderkopp Riigikogus*. – II Riigikogu protokollid 21.08.1924, 6. ij., vg. 50–51.

⁴¹ Riigi Teataja 18.10.1919, nr. 76/77, lk. 603.

⁴² Eesti avalikud tegelased. Tartu, 1932. lk. 21–22; Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 20; Eduard Aule. 25 aastat pangategevust. – Päevaleht 26.09.1926, nr. 261, lk. 5.

⁴³ Riigi Teataja Lisa 17.12.1921, nr. 114, lk. 1135.

⁴⁴ Eesti avalikud tegelased. Tartu, 1932, lk. 271.

⁴⁵ Riigi Teataja 4.12.1919, nr. 99/100, lk. 789.

⁴⁶ O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 34.

⁴⁷ Tallinna Krediitpanga aktsionäride peakoosolek. – Päevaleht 20.01.1920, nr. 15.

⁴⁸ G. Vestel Tallinna Krediitpanga direktoriks. – Postimees 4.07.1924, nr. 162.

⁴⁹ Tallinna Krediit-Panga 20 aastane tegevusjuubel. – Päevaleht 20.01.1927, nr. 19.

предприятия возникли сложности из-за отсутствия рынка сбыта. Попытка специализироваться на производстве самолетов не удалась. Затем большая часть производственных зданий была сдана в аренду. В 1932 г. акционерное общество «Двигатель» было ликвидировано.⁵⁰ Круг владельцев был неоднородным и часто менялся.

Эстонское общество семенного зерна было создано в 1919 г. с целью доставки в Эстонию семян полевых и садовых культур, трав и лесных растений и поиска зарубежных рынков для эстонских семян. Предприятие арендовало у министерства сельского хозяйства четыре мызы.

Основанное в 1911 г. Йоханом Питка, К. Пятсом, М. Пунком и др. Таллинское судоходное объединение было реорганизовано в мае 1920 г. в акционерное общество. К нему присоединились К. Мауритц, Густав Пихлакас, Оскар Трейльманн, Йоханнес Лоорберг и Кристиан Кристиансон. Предприятие стало ведущей судоходной фирмой Эстонии.⁵¹ С Таллинским судоходным объединением был связан и член совета Банка Эстонии в 1921–1924 гг. Карл Баарс.⁵²

Азерская цементная фабрика существовала с 1899 г., в основном, для удовлетворения российского рынка. Ею владели крупные петербургские банки. В первые годы независимости Эстонии у предприятия возникли серьезные трудности из-за отсутствия рынков сбыта. В 1922 г. при довольно странных обстоятельствах образовалась группа акционеров, к которой присоединились уже упомянутая выше «Сильва» и «The London and Northern Trading Co Ltd», а в следующем 1923 г. ей передали Азерский цементный завод.⁵³ Председателем правления стал Юри Парик.⁵⁴ Чтобы избавиться от конкурента, Кундаская цементная фабрика в 1926 г. вы-

платила Азери компенсацию за прекращение производства цемента.

Эстонский заемный банк был основан в 1920 г. путем превращения Таллинского общества взаимного кредитования в акционерное общество. Основатели – Йоханнес Рейнталь, член Учредительного собрания от Аграрной партии Яан Ситска, Йоханн Бергманн, Густав Трейберг, Тимолеус Куузик, Яан Теэмант, Юлиус Антон, Яан Каллас, Виллем Пинковски и Прийдо Роог.⁵⁵ До 1929 г. Яан Ситска состоял директором Эстонского заемного банка.

Северная целлюлозно-бумажная фабрика – крупнейший в Эстонии производитель бумаги и полуфабрикатов – вырос из бумажного производства Йохана Виденбауэра, работавшего на берегу озера Юлемисте уже в XVII в. В 1909 г. предприятие подверглось реконструкции. В царское время основная часть экспортной продукции шла на российский рынок. В начале независимости также надеялись на Россию, но затем, преодолевая трудности, предприятие сумело переориентироваться на западноевропейский экспорт.⁵⁶ Основными владельцами были балтийские немцы, хотя одним из директоров и перерегистратором/основателем был указан Эдуард Розенвальд – член Таллинского биржевого комитета и Государственного экономического совета, а позже и вице-председатель Торгово-промышленной палаты.⁵⁷

Мебельная фабрика А. М. Лютера основалась в 1841 г. и в 1891 г. преобразовалась в акционерное общество. До провозглашения ЭР часть продукции завода экспортировалась в Западную Европу. В годы независимости предприятие было преуспевающим, более 90% продукции отправлялось на экспорт, из них около 75% – в Англию. Основным владельцем и руководителем предприятия был

⁵⁰ M. Pihlamägi. Eesti industrialiseerimine 1870–1940. Tallinn, 1999, lk. 199.

⁵¹ Riigi Teataja 26.11.1920, nr. 203/204, lk. 1622; O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 33–34.

⁵² Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 23.

⁵³ Riigi Teataja Lisa 23.01.1923, nr. 11, lk. 117.

⁵⁴ O. Karma. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 53.

⁵⁵ Riigi Teataja 1919, nr. 85/86, lk. 674.

⁵⁶ M. Pihlamägi. Eesti industrialiseerimine 1870–1940. Tallinn, 1999, lk. 202.

⁵⁷ Riigi Teataja 27.10.1920, nr. 181/182, lk. 1448.

председатель Объединения фабрикантов Эстонии, член совета Банка Эстонии, сын основателя фабрики Мартин Лютер, являющийся одновременно членом совета банковской конторы «Scheel & Со».⁵⁸

АО «Космос» было основано для продажи товаров в Россию Густавом Линквистом, В. Пинковским, К. Пятсом, А. Пезтом и М. Яаксоном. «Космос» состоял в персональном союзе с Харьюским банком, пользуясь капиталом последнего.⁵⁹ Он обанкротился также вместе с Харьюским банком.

Таллинское эстонское издательское объединение начало работу в 1908 г. В 1922 г. была построена современная типография. Председателем правления являлся член совета Банка Эстонии Артур Уйбопуу.⁶⁰

Акционерное общество «Ильмарине», созданное в 1920 г. К. Пятсом, К. Ипсбергом, К. Мауритцем, А. Уйбопуу и М. Яаксоном, приобрело машиностроительный завод Ф. Виганда.⁶¹ Последний работал на российский рынок. Позже акционерами «Ильмарине» стали братья Пухки, а председателем правления – Йохан Лайдонер.⁶² В годы независимости предприятие снова встало на ноги во второй половине 1930-х гг.⁶³ В 1940 г. большинство акций «Ильмарине» принадлежало семье Пухк.⁶⁴

Таким образом, все члены совета Банка Эстонии первого состава были активными бизнесменами, а их предприятия были основными получателями кредитов Банка Эстонии. Правление Банка Эстонии действовало более скрытно. Эдуард Ауле – президент Банка Эстонии в 1919–1925 гг., которого считали

отцом банковского дела Эстонии, не рекламировал себя в качестве основателя предприятий и не избирался в их советы. Это не означает, что у него не было экономических интересов. Например, факт назначения его в 1925 г. директором Северного банка свидетельствует об обратном. В 1940 г. Ауле владел акциями, связанными с предприятиями К. Пятса: «Эстонский Ллойд», АО «Кредитный банк», паевое товарищество «Seltskondlik Maja».⁶⁶ Все это позволяет предположить, что у него и раньше были связи с этими обществами.

Почти так же была скрыта деятельность и других членов правления. Йохан Сильвер, входящий в правление Банка Эстонии в 1919–1924 гг., являлся одновременно членом и председателем правления молочного кооператива «Эстония», членом совета страхового общества «Ханза», но, что самое важное, состоял в совете Таллинского кредитного банка. С 1925 г. он председательствовал в правлении Эстонского издательского объединения, а в 1926 г. стал председателем совета Торгово-промышленной палаты – любимого детища К. Пятса.⁶⁷ Данные о деятельности третьего члена правления Лео Сеппа отсутствуют. В 1940 г. он был крупным совладельцем вышеупомянутого потопителя банков «Униона».⁶⁸

Круг руководителей и владельцев, получавших наибольшие кредиты предприятий, вырисовывает одну из наиболее влиятельных политических и деловых группировок: К. Пятс, Г. Вестель, М. Яаксон, А. Янсон, Й. Лайдонер, братья Пухк, К. Мауритц, А. Пезт, А. Уйбопуу, М. Пунг, К. Ипсберг, В. Пинков-

⁵⁸ Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 125.

⁵⁹ О. Карма. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 34; *Riigi Majandusnõukogu koosoleku protokoll 26.11.1923*. – ERA, ф. 990, оп. 1, д. 44, л. 16.

⁶⁰ Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 228.

⁶¹ Riigi Teataja 19.06.1920, nr. 89/90, lk. 708; О. Карма. Eesti Vabariigi majanduspoliitika kaks aastakümnet 1919–1939. Tallinn, 1999, lk. 33–34.

⁶² R. Nerman. Kalamaja ajalugu. Tallinn, 1996, lk. 143.

⁶³ M. Pihlamägi. Eesti industrialiseerimine 1870–1940. Tallinn, 1999, lk. 200.

⁶⁴ 1940. aastal natsionaliseeritud ettevõtete aktsionäride nimekiri. – ERA, ф. 72, оп. 1, с. 234, л. 129–130.

⁶⁵ Данные о бизнес-деятельности Карла Вирма – члена совета Банка Эстонии, работавшего в 1914–1918 гг. в отделе снабжения Русско-Балтийского судостроительного завода, отсутствуют.

⁶⁶ *Aksiaomanike nimekirjad*. – ERA, R-985, оп. 1, д. 68, л. 20; Страховое акционерное общество Eesti Lloyd Пятс, Яаксон и Вестель основали в 1919 году, через неделю после открытия Харьюского банка.

⁶⁷ Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 196; Eesti avalikud tegelased. Tartu, 1932, lk. 304.

⁶⁸ 1940. aastal natsionaliseeritud ettevõtete aktsionäride nimekiri. – ERA, ф. 72, оп. 1, д. 234, л. 158.

ски, Ю. Парик и Г. Линквист. Эта группировка контролировала Харьбюский банк и его консорциум, «Сильву», «Атланту», Русско-Балтийский судостроительный завод, Таллинский кредитный банк, Таллинское судоходное общество, Эстонский заемный банк, АО «Космос», Азерискую цементную фабрику, Таллинское эстонское издательское объединение и АО «Ильмарине». Названным предприятиям Банк Эстонии выдал кредитов на 796 миллионов марок. Кроме указанных, им, естественно, принадлежали и другие предприятия, сумма займов которых была меньше 37 миллионов (поэтому в таблицу не вошедшие), например, «Эстонский Ллойд» и «Леннук». Лично же Конрад Мауритц взял кредит на 11 миллионов, Лайдонер вместе с Лауссенем – 13 млн. и отдельно – еще 5 миллионов, Аугуст Пеэт единолично получил 6 миллионов и вместе с Х. Тоомингом еще 2 миллиона, Г. Линквист – 17 миллионов и М. Яаксон – 11 миллионов марок.⁶⁹ 25 самых крупных заемщиков получили 796 миллионов марок, что составит 36 % от общей суммы кредита или 4,5 миллионов золотых рублей, т. е., как минимум, почти половину полученного в 1927 г. так называемого займа Лиги Наций. Все бизнес-связи, несомненно, выявить не удалось. Так, например, не ясно, являлся ли Эдуард Куузик связующим звеном между Пятсом-Вестелем-Яаксоном и Цитроном-Вахманном. Если да, то вырисовывается группировка Пятс-Вестель-Яаксон-Куузик-Цитрон-Вахманн. К предприятиям, контролируемым Пятсом-Вестелем-Яаксоном, следовало бы добавить Балтийскую мануфактуру, Синдискую суконную фабрику, Эстонский торгово-промышленный банк, Кренгольм и «Унион» Цитрона-Вахманна. Тогда общая сумма займов составит 1666 миллионов марок, или 76% от общей суммы крупнейших кредитов!

В таком случае из получателей крупных кредитов вне сферы влияния этой группировки остаются лишь ЕТК, Таллинская горупра-

ва, Эстонское общество семенного зерна, Государственное сланцевое производство, Северный банк, «Двигатель» и АО Петровский завод. При этом первые были кооперативными или государственными предприятиями, а владельцев двух последних выявить не удалось. Исключения составляли также принадлежавшая балтийским немцам Северная целлюлозно-бумажная фабрика и акционерное общество «М. Лютер». С последним через общее участие в АО «Кюттейбуд» был все же связан К. Мауритц.⁷¹

Хотя при определении бизнес-группировок возможны неточности, приведенного здесь анализа достаточно для общих выводов. Все предприятия, получавшие крупнейшие займы, были каким-либо образом связаны с деятелями Банка Эстонии или политиками высшего эшелона.

Кроме того, в отношении активных бизнесменов начала 1920-х гг. можно констатировать, что среди руководителей и владельцев предприятий преобладали люди, имеющие связи с Россией, – кто опировавшийся, кто учился в Москве или Петербурге, кто работал до или после революции в России. Говоря осторожно, они были связаны с Россией значительно больше, чем средний эстонский политик, бизнесмен или интеллигент. Учитывая это и прежнюю ориентацию «бесхозных» предприятий, не удивительно, что преобладающая часть предприятий, получавших кредиты в Банке Эстонии, тем или иным образом была задействована в восточном бизнесе, или хотя бы надеялась на российский рынок.

Несмотря на то, что это сообщество выскочек, ориентированное на Восток, было довольно пестрым, все же можно уловить тенденцию к преобладанию среди них членов партии аграриев. Клубом и лобби-центром этой группировки было паевое товарищество «Seltskondlik Maja», позже клуб «Sentum», известный и как «Клуб ста». Паявое товарищество «Seltskondlik Maja» («Общественный дом») в 1921 г. основали К. Пятс,

⁶⁹ *Eesti Panga tegevuse labivaatamise komisjoni materjalid. 06.06.1924 – 31.12.1924. Deebitoride nimekiri.* – ERA, ф. 80, оп. 2, д. 2742, л. 15.

⁷⁰ Riigi Teataja 3.04.1920, nr. 49/50, lk. 389; Eesti Pank 1923, lk. 3; Riigi Teataja Lisa 10.01.1921, nr. 2, lk. 9.

⁷¹ Riigi Teataja Lisa 17.08.1921, nr. 69, lk. 680.

М. Яаксон, Ю. Парик, А. Пеэт, А. Уэссон, Й. Рейнталь, инженер фабрики Лютера Херман Рейер, а также учредитель, член правления и директор (1920–1926) Северного банка Аугуст Кубен.⁷² Вокруг названного ядра постепенно собрался почти весь вышеперечисленный круг бизнесменов.⁷³ Влияние клуба на внутреннюю политику Эстонии, особенно же на экономическую политику, трудно переоценить.

Естественно, это общество, направленные на Восток деловые планы которого провалились, а долги росли, было заинтересовано в продолжении действующей политики кредитования вплоть до доведения эстонской марки до гиперинфляции, что, по крайней мере, освободило бы их от долгов.

Их бизнес-план – надежда на восточный рынок, явно провалился. Но опустошение Банка Эстонии путем выдачи кредитов могло быть результатом влияния и других факторов. По мнению политиков левого толка, тогдашней экономической политикой Эстонии управляли так именно потому, что влиятельные лица не верили в независимость и в будущее независимой Эстонии. Поэтому они хотели направить имущество в надежные руки – в карманы частных лиц.⁷⁴

Это, действительно, можно рассматривать как одну из причин. В случае установления власти большевиков нельзя было надеяться на сохранение состояний. Но в 1920–1923 гг. преобладало представление о скором падении большевиков и восстановлении России в прежних границах под властью царя или Учредительного собрания. Отданные в кредит активы Банка Эстонии были получены в результате Тартуского мирного договора и заработаны на перепродаже русского золота. Как представляли себе, например, Пятс и Вестель поведение белых в случае восстановления святой и неделимой Руси? С точки зрения белых (и Пятс, и Вестель вполне ясно должны были отдавать себе в этом

отчет) золотые сделки большевиков были самым преступным разбазариванием национального достояния России. Следовательно, преступниками были и посредники, а заработанные на посредничестве суммы – средства и Банка Эстонии, и Государственной казны, пришлось бы вернуть владельцу, т.е. российскому государству. Избежать этого можно было, быстро распределив эти средства между частными лицами. Зачем надо было раздавать их всему народу, если занимаемое положение позволяло распределить деньги среди своих друзей и прикарманить самому. Что с того, что, с точки зрения народа, 15 миллионов золотых рублей были ценой крови борцов за свободу?

Распределению золота между друзьями могла сопутствовать еще одна идея. Один из информированнейших людей в Эстонии того времени Эдуард Лааманн отмечает, что деятельность Пятса в те годы вдохновлялась попыткой создания национальной буржуазии. Ведь в эстонском буржуазном государстве не было буржуазии – в королевстве не было короля. А как иначе создавать национальную буржуазию, как не на национальные средства? Отпечаток попытки создания эстонской элиты, эстонского «дворянства» лежит и на клубе «Seltskondlik Maja» и на клубе «Centum», оба – детища Пятса. В 1930-е гг. клуб «Centum» называли двором Пятса.

Кроме того, создававшаяся буржуазия не блистала достоинствами. Часть балтийских немцев сохранила свое имущество и статус, но новая буржуазия формировалась, в основном, из оптовиков и людей, занимавшихся восточным бизнесом. За пару лет невозможно было разбогатеть достойно.

Таким образом, Пятсу и Вестелю их деятельность, действительно, могла казаться не только способом личного обогащения, но чем-то более благородным. Во имя этого можно было нарушать и действующие правовые акты, что делалось даже по тогдашним

⁷² Eesti majandustegelased. Tallinn, 1938, lk. 98–99; Eesti avalikud tegelased. Tartu, 1932, lk. 266.

⁷³ «Centum»-klubi revisjonikomisjoni koosoleku protokollid. Vanematekogu koosoleku protokollid. 08.05.1925 – 20.12.1932. – ERA, ф. 999, оп. 1, д. 1, листы без нумерации.

⁷⁴ J. Kukkk II Riigikogu rahaasjanduse komisjonis 16.06.1924. – ERA, ф. 80, оп. 2, д. 402, л. 197об. L. Johanson Riigikogus. II Riigikogu protokollid 21.08.1924, vg. 59.

временам грубо. При комплектации совета и правления Банка Эстонии не соблюдался действовавший до 1932 г. царский Закон о кредите, согласно ст. 28 ч. 10 которого лицам, занимавшим должности в каком-либо кредитном учреждении, в том числе бывшим членами правления или совета, запрещалось занимать должности в другом частном или государственном кредитном учреждении, в т.ч. в качестве члена правления или совета. Размеры займов также были незаконны. По Закону о кредите, кредит клиенту не должен был превышать 1/10 собственного капитала банка.⁷⁵ Т. е. в данном случае – не более 35 миллионов марок. Напомним, что у Балтийской мануфактуры кредит превышал объем капитала банка и был, примерно, в 10 раз большим против предусмотренного законом объема. Дозволенные границы переходили более 2/3 займов.

В части же обеспечения займов Банк Эстонии явно нарушал собственный устав. Более половины займов составляли так называемые займы конто-коррент, согласно балансу декабря 1923 г. – 2757 миллионов марок. Дисконтированных векселей в портфеле банка у корреспондентов и зарубежных векселей было в общей сложности 1740 миллионов марок. В результате ревизии центробанка в начале 1924 г. выяснилось, что 63% обеспечения составляли заложенные товары и внутреннее оборудование предприятий; 11% – облигации на недвижимое имущество, а также ценные бумаги и гарантии правительства и банков.⁷⁶ Однако неясно, как и на каком основании оценивалось это имущество и какие именно объекты закладывались.⁷⁷

Естественно, в большинстве своем эти кредиты были неликвидными. В соответствии с пунктом 4 ст. 11 устава банка, он мог выдавать срочные займы на срок не

более шести месяцев. По уставу счета и кредиты «On call» могли выдаваться под следующее обеспечение: золото, серебро и прочие драгоценные металлы в монетах и слитках – до 90% их биржевой стоимости; обеспеченные правительством государственные долговые обязательства, процентные бумаги, акции и облигации, закладные ипотечных учреждений, иностранная валюта и векселя – до 75% их биржевой стоимости; не гарантированные правительством ценные бумаги – до 50% их биржевой стоимости; товары и сельхозпродукция – до 2/3 их стоимости; векселя на срок до шести месяцев, гарантированные, по меньшей мере, двумя платежеспособными лицами.⁷⁸ Выдача кредитов под обеспечение оборудования фабрик и заводов уставом банка вообще не предусматривалась.

По уставу именно совет Банка был обязан следить за тем, чтобы банковская деятельность осуществлялась в рамках устава. Но члены совета, сформированного под контролем Г. Вестеля, а также и министр финансов, и государственный старейшина – сами были основными получателями кредитов. Пусты козла в огород...

Статья написана при поддержке гранта № 4034 Научного фонда Эстонии.

Як Валге

1955

Доктор исторических наук (2003).

Ведущий научный сотрудник Эстонского института демографии.

Область исследований: экономическая история Эстонии и Европы XX века, история глобальных проблем.

jaak.valge@ra.ee

⁷⁵ *Eesti Panga tegevuse uurimise komisjoni alamkomisjoni ettekanne*. Salajane. – ERA, ф. 80, оп. 2, д. 2742, л. 75–76.

⁷⁶ Основания для вычислений: *Eesti Vabariigi riigikontrollor A. Oinas valitsusele 06.06.1924*. – ERA, ф. 66, оп. 1, д. 1317, л. 1806–19.

⁷⁷ Там же, л. 1806–19.

⁷⁸ *Riigi Teataja*, 1919, nr. 28/29, lk. 222.